

Из дневника А. Н. Куропаткина ¹⁾.

С 23 декабря 1905 года по 12 марта 1906 года.

23 декабря. Г. Шуанченпу.

Все чаще приходят известия, хотя и отрывочные, о начавшейся в России реакции. Сигнал будто бы подан с высоты трона. Будто бы придворная партия выдвигает Игнатьева и ломит Витте и что во главе реакции стоит великий князь Николай Николаевич, добивающийся военной диктатуры. Не знаю, насколько эти сведения верны, но считал бы лично роковым для России и государя делом, если бы он по слабости воли уступил бы таким злобным фигурам, как Николай Николаевич. Это был бы роковой шаг, если бы государь, дав манифест 17 октября, стал бы уклоняться привести его в исполнение. Уже и ныне престиж царской власти и престиж государя Николая II подорван не только в населении, но и в армии. Но пока государь искренно хочет исправить зло, причиненное им России по советам: Горемыкиных, Сипягиных, Плеве, Безобразовых, Абаза, Мещерских, Сергея Александровича и Николая Николаевича—пока государь, искренно и твердо отказавшись от самодержавия, пойдет по пути, указанном им России в манифесте 17 октября, он останется во главе России, и, думаю, огромная масса армии останется ему верна. Но если начнутся новые колебания, и он снова начнет цепляться за выпущенную им из своих слабых рук самодержавную власть, то это станет сигналом для общих восстаний по Руси, армия разделится, будут междоусобные брани, и в результате представители крайних социал-демократических и даже анархических партий возьмут верх. Россия быстро пойдет к демократической федеративной республике. Но это еще не все. 140-милл. население, оставшееся без твердой власти, без правительства и раздираемое внутренними кровавыми распрями, представляет опасность для спокойствия всего мира. Все крайние социалистические партии должны теперь зорко присматриваться к тому, что происходит в России, и обдумывать вопрос: не следует ли события, происходящие в России, считать удобным моментом для начала социальной революции во всей Европе. И это будет ужасный переворот, который проглотит правительства.

¹⁾ См. «Красный Архив», т. VII, стр. 55—69.

капиталы и армии. Вот почему вмешательство в русские дела европейских государств вовсе не так невероятно, как это может казаться с первого взгляда: Вильгельм, Франц Иосиф, Эдуард и другие, начав приводить Россию в порядок, в сущности будут защищать собственные шкуры.

*Я ознакомился с настроением армий, находящихся в Манчжурии, и смело могу утверждать, что офицерский состав и нижние чины возвраты к прошлому, столь печальному, не желают и этот возврат считают невозможным.

Нижние чины, почти два года расшатываемые прокламациями, газетами, письмами из дому, уже не те, что были два года тому назад: они почувствовали свою силу и во многих случаях, как это ни печально признавать, уже заставляли своих начальников бояться себя, заставляли, действуя скопом, исполнять свои требования.

Дисциплина пошатнулась, и если начнется борьба за возврат самодержавия, то во многих случаях войска станут на сторону свободы и прогресса против мрачной реакции.

*Лучшие элементы армии находят великое утешение при постигших Россию неудачах в сознании, что в результате неудач Россия двинется обновленной, освобожденной не только от бюрократического режима, но и от безрассудств самодержавия. Это утешение нельзя отнять от армии. Это утешение армия не может заменить другим. Слабость самодержавной власти привела Россию к поражению. Искупление может быть одно, и вполне благородное,—отказ от самодержавия. Это и сделано манифестом 17 октября. Возврата быть не может.

28 декабря.

Праздники встречены и проходят тихо. Запасные 1-й очереди трех Сиб. корпусов отправлены благополучно. Теперь пошли запасные X ар. корпуса. Движение по Сибирской дороге несколько упорядочилось эти дни. Забайкальская дорога тоже стала возвращать теплушки и товарные вагоны исправнее, но все это пока очень не надежно, ибо в сущности попрежнему все движение в руках стачечников, и от произвола зависит прекратить движение. Стаечные комитеты продолжают наполнять армию прокламациями, в которых приглашают войска освободиться от своих начальников, выбрать себе тоже комитеты, которые, совместно с стачечными комитетами на железной дороге, и установят план перевозки войск. Указывают, что начальники плохо пользуются дорогой, что можно было бы перевести в Россию с 24 августа (перемирие) 750.000 человек. По сведениям из Сибири и России наши запасные—владивостокские, харбинские пленные и моряки—идут беспорядочно и буйствуют по дороге.

Из России получаем сведения из японских и шанхайских газет, очень преувеличенные и неблагоприятные для России. Имеется известие, что в Лифляндии объявлено республиканское правление,

что в Москве идет упорный бой на улицах, с употреблением артиллерии, что Ростовский гр. полк присоединился к бунтовщикам, что Мищенко (находящийся в армии) вступил в Москве в командование гренадерами и т. п.

Вчера виделся с ген. Линевицем, приехавшим на несколько дней в Харбин. Имел с ним серьезный и неприятный для него разговор. Он не понимает важности совершающихся кругом нас событий и не признает нужным бороться против крайних партий, ведущих Россию к республике, раздроблению? Он несколько раз повторил мне, что порядок не будет восстановлен в России, пока не явится у нас свой Наполеон, способный сломить все и всех. Уж не себя ли он мнит этим Наполеоном?

Я ему с откровенностью высказал и повторил это начальнику штаба Благовещенскому, что считаю первую часть кампании, в которой Линевицем по эвакуации армии, проигранную. Что как я проиграл первую кампанию, имея помощниками Гриппенберга, Каульбарса и Бильдерлинга, а союзником его Линевица, так и он проиграл теперь первую часть кампании, имея помощниками: Казбека, Хрещатицкого, Надарова и Холщевникова. Я ему помогаю, но не во всем успеваю убедить его. Что революционная партия добилась захвата власти в Харбине, Владивостоке и Чите, подчиненных ему, Линевицу, вызвала беспорядок, втянула в политическую борьбу и разбойничество воинских чинов, отравляет армию, возмутила запасных тыла, вызвала несправедливую отправку вперед расшатавшихся, грабивших Владивосток запасных. Наша родина, в тяжелое переживаемое ею время, — говорил я, — нуждалась в присылке ей твердых боевых частей, дабы усмирить смуту, а мы ей послали бунтующие эшелоны запасных. Этим мы не только не усилили средств России для борьбы со смуту, но еще ослабили их. Снова вспомнил мое настояние послать корпуса войск, а не запасных. Вспомнил и снова настаивал на необходимости с каждым эшелоном запасных посылать для поддержания порядка по одной роте пехоты.

Упрекнул старика, что если бы он послушался меня, то в России уже было бы два или даже три лишних корпуса войск: X, XVII и I армейские. Что XIII корпус не следовало посылать во главе всех корпусов. Перевозки морем идут очень медленно. Пока отправлено 11.000 человек. Я настаивал, чтобы мы готовили средства на 200.000 человек. Линевиц возражал, что в России войск много, что для охраны пути движения запасных можно занять войсками станции, что запасные стремятся только попасть домой и беспорядков не делают.

Я снова настаивал на необходимости подготовки к серьезной борьбе, чтобы только не дать сибирским владениям России попасть в руки крайней партии социал-революционной, что иначе Сибирь придется завоевывать вторично. Что мы теперь же, без указаний из Петербурга, должны принять определенную программу для действий, в основу которой положить: 1) сохранение царской власти, но ограни-

чение ее Государственной Думой на основаниях манифеста 17 октября, 2) неделимость России. Поэтому крайняя партия, стремящаяся к республике и дроблению России, должна быть остановлена, лишена средств борьбы (железные дороги, телеграф, возмущение армии), лишена возможности возмущать армии. Что надо к этой цели идти систематично, надо занять прочно войсками различные важные пункты на железной дороге, сильнее, чем это сделано теперь, и подготовить средства снова вернуть владение и распоряжение железными дорогами, телеграфом. (Усиленно формировать железнодорожные части, готовить в большем числе телеграфистов.) Надо, — повторял я, — строить этапы. Указал, что в г. Шуанченпу моим распоряжением устроен этап на 3.000 человек, стоявший 8.500 рубл. Что надо готовиться с весны двинуть вдоль дороги артиллерию, обозы, конные части.

Что по отношению к армии надо усиленно водворять пошатнувшуюся дисциплину. Не оставлять безнаказанными случаи массового неповиновения запасных, отказывавшихся в разных частях выходить на занятия и работу и требовавших немедленной отправки их на родину.

После переговоров по этим вопросам *ген. Линевиц с неудовольствием прочел мне депешу государя, полученную через Шанхай, от 12 или 14 декабря о том, что он возлагает на ген. Ренненкампа приведение в порядок Сибирской, Забайкальской и Восточно-Китайской дорог, другими словами — удаление с них стачечных комитетов. Приказывает дать ему столько войск, сколько ему для этой цели понадобится, и поручает ему действовать по соглашению с начальством Сибирского военного округа и тыла округа (Сухотиньм и Ивановым). Линевиц справедливо усматривает в этом назначении некоторый укор своей деятельности и не скрывает своего неудовольствия. Он говорил мне, что Петербург только портит ему дела, что его приказание ехать Захарову по Сиб. дороге для водворения там порядка было отменено из Петербурга депешей Палицына. Что он, Линевиц, требовал только 7 сквозных поездов, но что Коковцев обессилил дорогу, отобрав с нее паровозы.

* Относительно Ренненкампа у Линевица было мнение первоначально пустить его по поручаемым ему для приведения в порядок дорогам в виде как бы туриста, для ознакомления с положением дела. Я возразил на это, что такое решение вызовет большую потерю времени, Линевиц же указывал, что он опасается за результат принятия крутых мер; теперь запасные идут 3—4 поездами в сутки, а тогда все движение может на некоторое время приостановиться, что отразится волнением и даже бунтом в армии. С этим мнением не мог не согласиться, что мы находимся в заколдованном круге, и требуется действительно большая осторожность, чтобы не ухудшить нашего положения. Стаечные комитеты успели вселить в нижних чинах убеждение, что работают в интересах нижних чинов. Если комитеты будут устранены или если другие меры вызовут прекращение или заминку движения, рево-

люционная партия воспользуется этим, чтобы обратить недовольствие нижних чинов против начальствующих лиц.

Миссия Ренненкампа мне представляется весьма трудною и щекотливою.

Для успеха ее мне представляется необходимым:

а) Установление из Петербурга правительственной программы для действий как в азиатских владениях России, так и на дорогах, там проложенных, с целью восстановления в полной силе правительственной власти на железной дороге и в оседлых пунктах. Эта программа должна одновременно приводиться в исполнение всюду, как в России, так и в Сибири.

б) Объединение мероприятий по железной дороге, кои будут приниматься для борьбы с социал-революцион. и социал-демократической партиями, с мероприятиями в тех же видах, кои надлежит принять: а) по отношению гражданского населения Приамурья, Манчжурии и Сибири, б) по отношению войск в этих же местах.

в) Принятие мер к изъятию телеграфа из рук революционной партии и принятия в распоряжение правительственных властей телеграфной сети правительственной и железнодорожной. Без владения телеграфом успеха достигнуть нельзя. Не будет единения мер и быстрой подачи помощи туда, где в том встретится надобность.

г) Занятие железной дороги до Челябинска войсковыми частями в достаточной силе, чтобы подавить всякое насилие.

д) Неотложное принятие мер к установлению самого полного полицейского порядка во всех населенных пунктах, лежащих по дороге и на железной дороге (прекращение пьянства, разбоя, краж, бесчинства нижних чинов и офицеров на станциях, бесчинства железнодорожных агентов, отцепляющих по своему усмотрению вагоны с начальствующими лицами, распространяющих прокламации).

е) Принятие мер к самому строгому порядку и дисциплины в следующих по дороге воинских эшелонах (посылать в каждом эшелоне с запасными—по роте, а в некоторых—и по две роты пехоты).

ж) Принятие мер, дабы армия не разложилась прокламациями, особенно путем перевозки их по железной дороге.

Объединение сил и средств в предстоящей борьбе: железнодорожных, жандармских, полицейских, средств охранной стражи и войсковых (установление участков с военными начальниками, введение военного положения). Строгое беспощадное подавление всяких насильственных действий со стороны революционной партии: социал-демократической и социал-революционной, прекращение деятельности этих партий в Харбине и Чите ¹⁾.

¹⁾ Особенно вредна так называемая социал-демократическая рабочая группа в Харбине, наводняющая армию прокламациями. Глава—студент Иванов. Примеч. автора.

з) Прекращение деятельности социал-демокр. и социал-револ. повременных изданий. Прекращение деятельности типографий этих органов, печатающих прокламации для войск.

Усиленное формирование на особых началах железнодорожных войск. Обращение саперных войск на железнодорожные надобности.

и) Для успеха водворения порядка и правительственной власти в азиатских владениях России и в частности на железных дорогах, необходимо, чтобы борьба наша с революционными партиями отнюдь не имела реакционного характера. Эта борьба должна вестись от лица глубоких масс русского народа, для которых основы манифеста 17 октября неразрывно связаны с продолжением ограниченной царской власти и целостности России.

Так должна в частности вестись и деятельность Ренненкампа. Он должен всюду показывать приверженность к основам манифеста 17 октября, в смысле как указано выше, т.-е. с сохранением Российской империи в ее настоящем виде с императором во главе, ограниченным во власти Государственной Думою и с населением этой империи, свободным в своих внутренних делах, свободным в своих верованиях по манифесту 17 октября. Самое надежное, если бы деятельность Ливевича, Ренненкампа, Сухотина и других, кому будет поручено водворение на Руси порядка, прекращение смуты, регламентировалась бы постановлением Государственной Думы, если бы, другими словами, деятельность этих лиц подкреплялась не только сочувствием, но требованием представителей народа (большинства сих представителей, ибо единогласия достигнуть будет нельзя).

Вчера приходил ко мне помощник Гириинского комиссара, проживающий в Шуанченпу, и доложил, что по получаемым им сведениям в южных районах Гириинской провинции готовится боксерское движение среди китайского населения, наподобие бывшего в 1900 году. Из числа признаков указывает на некоторую заносчивость китайского населения по отношению к нижним чинам и невнимательность властей к нашим требованиям.

Дал средства и приказал организовать тайную разведку не только в южной Гириинской провинции, но и в районе, занятом японцами. Оказалось, что никакой разведки у нас не организовано, и средств он не имеет. Помощник комиссара капитан Сенютин, хотя и проживает в Шуанченпу, но мне не подчинен.

29 декабря.

Вчера вечером ген. Лауниц докладывал мне, что в саперном батальоне (I армейского корпуса) один сапер из поповичей, выхватив красный флаг, стал провозглашать свободу и неповиновение начальникам; другой, схватив винтовку, приглашал нижних чинов идти бить офицеров. Оба быстро арестованы. Назначено следствие.

В команде запасных, неправильно присланных на этап в Шуанченпу (оказались 2 очереди, а не первой) произошли беспорядки.

24 января.

Генерал Экк высказал вчера, что из находящихся ныне в 71 дивизии штаб-офицеров он признает в высокой степени выдающимися Широкова (Дрисского полка) и Полянского (Бугульминского полка). Отличен командующий бригадою бывший командир Бугульминского полка Зароко-Зароковский. Этим трех надо быстро двигать вперед. Широков—генерального штаба. Хорош Горелов Черноярского или Бугульминского полка. Слабее других Бемельбург. Но это лично храбрый и очень заботливый командир, несколько ограничен. На Гаутолинском перевале был ранен.

Совершенно не выдержали боевого испытания: Чембарского полка ген. штаба Зароков. Выбыл после Ляояна 22 августа. Трусил.

Не выдержал экзамена полк. Тихонов; Черноярского полка. Угнетенное настроение. После сентябрьских боев вынужден был уйти.

Сейчас ген. Линевиц из Харбина по телефону сообщил мне, что Чита покорилась. Что Сычевскому и Полковникову (ген.-майор, команд. II Сиб. корп., начальник 5 стр. див., большой молодец) удалось без пролития крови—большая заслуга—привести население и гарнизон к покорности. Стачечники приступили к сдаче оружия. Сдано свыше 2.000 ружей. 200 человек арестовано, в тюрьме. Из них 12 главварей. Арестовано и несколько офицеров. Холщевников отрешен от должности и тоже арестован. В Сретенск командирован Тисимо-Денисович тоже навести порядок. Ренненкампф прибавляет в своей депеше, что он очень доволен действиями Сычевского и Полковникова и помогает им. Линевиц очень доволен. Говорит, что достаточно было Ренненкампфу простоять под Читою 10 дней с поднятым мечом, чтобы читинцы покорились.

Доволен осмотром, кажется, 29 полка, отправляемого в Иркутск. Очень довольны туда идти. Народ молодой, хороший. Командир, бывший Козловского полка, молодец.

Сегодня я получил из Владивостока два письма: одно от г. м. барона Иксуля, другое от подп. ген. штаба Гаврилицы. Очень печальные по содержанию. Полная распушенность. Город в значительной степени в руках мятежников. Ледоколы ходят по милости матросов. Железная дорога грузит уголь с согласия стачечников. Матросы ходят по городу вооруженные и придираются к офицерам. Гаврилица тем не менее считает, что гарнизон еще не расшатан вконец и можно живо его повернуть в сторону порядка. Надо, чтобы явился энергичный начальник. Против Казбека, все и всех распутившего, общее озлобление.

Иксуль в очень мрачных красках описывает ход порученного ему дела перевозки морем запасных в Россию. Масса проходимцев хочет поживиться на этом деле. Солидные фирмы избегают предлагать услуги, ибо цена низка. Те, которые предлагают за 120 рублей с че-

ловека—ненадежны. Ничего не устроил должным образом для приема запасных. Средств не отпущено. Нужных ему людей не дают. По этому письму я испросил у Линевица немедленно командировать во Владивосток Миллера, полковника инженерного, бывшего начальника этапов I армии, ныне и. д. начальника военных сообщений I армии. Человек чрезвычайно надежный, испытанной честности и энергичный. Линевиц согласился. Командирую с Миллером трех хороших офицеров. Это совершенно не мое дело, но при общей растерянности и неопытности надо было быстро помочь. Иксуль жалуется на нервное расстройство. Гаврилица свидетельствует, что Иксуля на долго не хватит, Миллер может заменить его с успехом.

Провожая все эти дни по одному и по два эшелона запасных I арм. корпуса. Отлично выглядят. Хорошо, тепло одеты. Все были новгородцы (Выборгского, Вильманстрандского, Нейшлотского полков). Сегодня Петровского полка, тверцы. Эти поменьше. В боях Петровцы были слабее Выборжцев и Нейшлотцев. Смотрят на меня, при проходе мимо них, ласково, любовно. Много с ними пережили вместе радости и горя. Нейшлотцы могут вспоминать, как я их встретил под выстрелами на Шахэ усталых, мокрых, голодных, и, ободрив их, двинул вперед (у Немировича эта сценка описана подробно). Вильманстрандцы могут вспоминать, как я их направлял 1 октября в первый для них бой и лично вел к сопке с деревом. Петровцы могут вспоминать, как рано утром 4 октября при обходе мною, около сопки с деревом, под сильным неприятельским огнем, окопов, занятых Петровцами (я шел с наружной стороны), они уговаривали меня спуститься к ним в траншею, а когда я не послушался, то несколько человек быстро выскочили из траншеи взяли меня на руки и спустили на дно траншеи. То был тяжелый вид: после боя ночью на 4 число всюду лежали трупы—наши и японские. Многие из них с следами тяжкого рукопашного боя.

Офицеры пришли проводить запасных. Отношения теплые. Были и командиры. Из них Нейшлотского—полк. Торчаловский—не из важных. Другие в I корпусе довольно хороши, особенно Царицынского полка полк. Николаев, Выборгского—Михеев, Каспийского георг. кавалер¹⁾, Вильманстрандского—георг. кавалер Тихомиров, Самарского—Драгомиров, Новочеркасского—Каренов. Провожают тепло.

27 января

Вчера поздно вечером Линевиц передавал, что в Чите г. м. Полковников и г. м. Сычевский распоряжались энергично и успешно. Одного 17 стр. полка, с Тишиным, прибывшего в Читу, было достаточно, чтобы заставить всех бунтарей смириться. После требований немедленно покориться и сдать оружие, таковое стало сдаваться в очень большом

¹⁾ На месте точек в подлиннике пустое место; фамилия осталась не вставленной. Прим. ред.

уверен, что вы в настоящей депеше усмотрите возможность избежать каких-либо случаев, могущих в настоящее трудное время вызвать какие-либо осложнения. Ответ прошу на мое имя Царское Село. ген.-ад. барон Фредерикс».

Итак, на меня могут возводить самые постыдные обвинения, печатать, напр., как о факте, о вкладе в 2.650.000 рубл. золотом в Государственный банк. Никто при этом из власть имеющих пальцем не шевелил опровергнуть явную клевету, что так легко было сделать, а мне не приказывают не только защищаться, но даже высказывать свои мнения.

Свобода личности, печати и слова, возведенные манифестом 17 октября, надеюсь, через некоторое время коснутся и меня. Меня или надо защитить, напечатать мои отчеты, или придется просить уволить меня от звания генерал-адъютанта и уволить в отставку, чтобы получить право защиты.

Чита. 15 февраля.

Долго говорил с ген. Сычевским, рекомендованным мною на должность военного губернатора Забайкалья и блестящим образом справившегося, без пролития крови, с серьезными беспорядками в Чите. Он удручен множеством стоящего над ним начальства: ему приказывает из Петербурга Дурново, из Харбина Иванов (начальник тыла) и Гродеков, Ренненкампф из Верхнеудинска, военный министр—по казачьим делам, и еще едет Унтербергер. Особенно удручает его масса циркуляров Дурново. Пробовал разносить за малую энергию в Чите, но получил отпор от Ренненкампфа. Дурново то подгоняет к решительным мерам, то взывает к осторожности. Сообщил, между прочим, что весной революционная партия собирается сделать новую особо сильную попытку. Сычевский признает положение в Забайкалье серьезным. По его мнению, зараза проникла глубоко во все углы, заразила казачество. Что масса ссылаемых—учителя. Интеллигенция на стороне революционеров. Цель—республика. Две войны и неправда в кабинетских землях дают благоприятную почву для недовольства. Сычевскому и Ренненкампфу пришлось массу сместить, но Дурново до сих пор не утверждает ни Сычевского, ни вице-губернатора, ни мелких чинов, Сычевским представленных. Из представленной мне Сычевским записки видно, что им арестовано 218 человек, но несколько главнейших главарей скрылись благодаря медленной присылке Сычевскому войск. В военных революционных кружках главную роль играли инженеры и железнодорожные офицеры. Главный военный инженер поляк, не представивши отчета на 1½ милл. рублей, скрылся.

Г. л. Холщевников вел себя позорно.

Насколько серьезно было положение, видно из следующих данных о захваченном и сданном оружии:

	Захвачено:	Сдано:
3 лин. винтовок	12.091	4.425
• • драгунских	1.110	681
бердаков пехотных	8.917	9.000
3 лин. драг. винтовок	1.050	0.

Таким образом масса оружия еще не сдана. Надеются, что оружие было брошено в озеро.

Захватили вагоны со снарядами, небрежно отправленные из Харбина в Читинский склад ген. л. Михеевым без должных предосторожностей.

Сычевский входил к стачечникам без конвоя. Его окружали вооруженные революционеры, хотели арестовать, но и среди них нашлись люди, которые отстояли Сычевского, указав, что за оказанное им доверие ответить низостью—нечестно. Сычевский три часа уговаривал сложить оружие. Первоначально не подействовало, но начался раскол. По второму призыву революционеров к оружию (производился гудок), явились с оружием только 200 человек. Остальные покорились. Тогда покорились и эти 200 человек.

Рассказы про Меллер-Закомельского в Чите просто невероятны. Сычевский мне рассказывал, что Меллер засекал шомполами чуть не на смерть. Одновременно били 4 солдата шомполами, и это считалось за один удар. По словам Сычевского буквально срывали мягкие части тела. Но главное зверство произведено на станции Иланской. Там манифестантов с красными флагами, 400 человек почти, окружили солдаты и начали расстреливать. Только 60 человек оказались ранеными. Остальные были убиты.

Ренненкампф имел с Меллером переговоры не особенно приятные. Он предложил Меллеру, приехавшему на ближний к Чите разъезд, уехать обратно. Меллер исполнил, но разобрал путь и перерезал телеграф..

И такого Малюту Скуратова послали для водворения порядка и законности. Боюсь, что миссия Меллера принесет еще в будущем большой вред.

Странно, что Скалон ничего мне не рассказывал про избиение манифестантов на ст. Иланской. Быть может, стыдился рассказать об этом зверском деле.

16 февраля. Сел. Мысовск на оз. Байкал.

Вчера в Хилке встретил меня ген. Ренненкампф. Выстроили весь гарнизон и эшелон, с ним следующий как конвой (71 дивизии). Очень тепло встретились и также простились. Ренненкампф оканчивает судные дела. При нем образован полевой суд. Ни одно наказание не налагается помимо суда. Всех подробно опрашивают. Где нужно, проявляется снисхождение. Впечатление благоприятное. Даже революционеры признают действия Ренненкампфа, хотя и строгими, но основанными на порядке и законе.

Не так относятся к действиям Меллер-Закомельского. Этот проявил жестокость для правых и виноватых. Особенно бранят войскового атамана Заботкина. На войне ничем особым себя не проявил, а тут зверствовал.

Сведения, переданные мне г. м. Сычевским об избии манифестантов на ст. Иланской, переданы мне Ренненкампом в другом виде. Рассказ ближе подходит к тому, что мне передавал и Скалон. Была сходка в депо, на которую и напали Меллеровские опричники. Ренненкамф говорит, что взяли в плен 60 чел., остальные из 400 чел. были убиты или ранены. Может быть, и это еще преувеличено.

На ст. Мысовая, или г. Мысовск, осмотрел батальон храброго подполковника Ступина, георгиевского кавалера 20 В.-Сиб. стр. полка. Отпустили запасных 2 очереди и уволили в запас сроки службы 90 и 91 годов. Приготовились увольнять сроки службы 1902 г. Осталось в ротах 65—90 чел. Новобранцев пришлют еще по 130 человек в роту. Унтер-офицеров осталось очень мало. Есть роты, где всего три. Офицеров налицо в батальоне 4 человека вместе со Ступиным и по одному зауряд-прапорщику. Отлично устроились в бараках, бывших под царскосельским лазаретом. Нашел зимние занятия в ходу. Одеты хорошо. Вид отличный, но все молодежь. Зауряд-прапорщики дружно с офицерами работают и с ними же помещаются в комнатах. Спрашивал одного офицера командира роты, живущего с зауряд-прапорщиком: как он ему говорит: ты или вы. Ответил «ты»—прибавив, что он к нему поступил в роту 7 лет тому назад и иначе относиться не может, но оба крепко любят и почитают друг друга и выручали друг друга в бою.

Спрашивал офицеров, что им желательно сохранить из одежды, ответили дружно: сюртук и для лета особую легкую туужурку. Один из них сказал, что за 6 лет службы в Приамурье он только три раза надевал мундир. Жаловались также, что цвет пальто очень марок, но пальто их удовлетворяет. У всех были сюртуки на меху.

19 февраля.

В Иркутске меня встретил ген. Унтербергер. Провел у меня в вагоне 2 часа. Успокоил, что в России, по его мнению, реакция не готовится, что Дурново не реакционер. Относительно Витте высказывался сдержанно. Признал двойственность, если не тройственность, его роли.

Относительно дел Дальнего Востока смотрит вперед бодро. На желтую опасность взирает оптимистически. По его словам, он был убежденный сторонник самого упорного продолжения войны и считал положение японцев, ко времени заключения мира, крайне тягостным. Считал, что никакого Сахалина можно было им не давать. Что сами японцы видели, что на суше их кампания не могла окончиться удачей. Их сопротивление было сломано на Шахэ и под Мукденом. Главное, что им надо было—это возратить произведенные затраты. На это они никак не могли рассчитывать. Даже если бы они взяли Владивосток и Харбин, что Унтербергер признавал невозможным, то и тогда нам надо было идти к Забайкалью и продолжать войну. Ныне положение Японии отчаянное: долг в полутора миллиарда рублей тяжело ляжет

на их бюджет годовой в 250 милл. рубл. Налоги возросли втрое и ухудшили экономическое положение всего населения. Между тем Унтербергер по законченной им в прошлом году Нижегородской ярмарке утверждает, что бывшая война мало коснулась экономического положения государства. Что забастовки дорог и революционное движение гораздо более нанесли вреда населению, чем война. Разоренные войной японцы не могут дать значительное развитие своим вооруженным силам. Китайцы отлично поняли, что японцы не победили русских на суше при самых для нас неблагоприятных условиях: неожиданное нападение японцев, долго готовившихся к борьбе, на нас, совершенно не готовившихся к войне; малое число у нас войск, разброска их, неготовность железной дороги и, главное, внутренняя смута. Пользуясь этими исключительно благоприятными условиями, японцы поставили все «ва-банк» и, действительно, напрягли усилия всего народа, всей страны, чтобы, пользуясь этою благоприятною обстановкой, вытеснить нас из Манчжурии и захватить такие куски нашей территории, которые позволили бы им рассчитывать за возврат этих кусков получить контрибуцию. Ничего этого им не удалось. К заключению мира мы стояли сильнее, чем когда-либо, стояли сильнее японцев. Китайцы понимают это и, когда их японцы начнут втравливать в новую войну с нами—не пойдут. Я не смотрю так оптимистически и указал Унтербергеру на нравственный престиж, приобретенный японцами во всей Азии, который грозит опасностью всему старому свету. Азия для азиатов—это призыв к борьбе азиатов против русских, англичан, французов, немцев. Учителя и руководители—японцы. Вслед за этим лозунгом следует другой: Африка для африканцев!

Первым этапом в этом ожидаемом движении желтой расы я указал Унтербергеру занимаемую нами Манчжурию.

Китайцы, подталкиваемые и поддерживаемые японцами, несомненно, после эвакуации наших войск начнут наступление на Манчжурию, первоначально мирное: колонизационное, вводом обученных японцами войск, старанием захватить в свои руки Манчжурскую железную дорогу. Указал, что нам надо энергично готовиться к борьбе. Что мы пережили только первый акт драмы на Дальнем Востоке, а пьеса эта в нескольких актах, прологе и эпилоге. Пролог—это японско-китайская война. Эпилог будет, в зависимости от нашей деятельности и соглашения с Европою, в двух решениях: или мы будем отброшены к Байкалу, потеряв Приамурский край и Забайкалье, или выйдем на берег Тихого океана, а Япония будет оттеснена на свои острова и лишена права иметь военный флот.

В смысле готовности новой борьбы и ближайших наших задач на Дальнем Востоке, я указал Унтербергеру на следующее:

Портсмутский договор лишил нас передовой базы в Манчжурии. Не спросясь Лиевича, мы отдали Сьпингайскую и Гунжулинскую позиции. Этим мы отдали важный район не только для сосредоточения, но и для питания армии. Гиринская провинция и Бадунинский район